

Борис Тарантул

МНОГОМЕРНЫЕ МИРЫ

Стихи

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 84-5
Т 19

Тарантул Б. З.

Т 19 Многомерные миры: Стихи. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 268 с.

ISBN 5-9551-0130-6

В настоящем издании собраны ранее не публиковавшиеся стихи, написанные Б. Тарантулом на протяжении всей его жизни (1950—2002 гг.). Необычные, эмоциональные, многогранные — эти стихи заслужили того, чтобы их увидел читатель. В них и радость, и скорбь, и любовь, и страдания, но главное во всем — нетривиальная, многомерная, мечущаяся личность автора. Сам он не собирался публиковать свои стихи, они остались только в рукописях. Этот сборник в память о нем составлен по сохранившимся старым потрепанным страницам его родными и близкими.

ББК 84-5

*В оформлении переплета использован телескопический фотоснимок
Туманности Тарантул из созвездия Золотая Рыба
и фотопейзаж Мартина Максимова*

Борис Тарантул

МНОГОМЕРНЫЕ МИРЫ

Стихи

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Н. Прокуратовой

Подписано в печать 10.03.2006. Формат 60×90 1/16.

Усл. печ. л. 17. Тираж 70. Заказ № 49

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

ISBN 5-9551-0130-6

© Б. З. Тарантул, 2006 (наследники)
© Языки славянской культуры, 2006

Об авторе

Мы сами не определяем ни своих родителей, ни место, ни время своего рождения. Да и вся дальнейшая наша судьба во многом зависит не только от нас самих — порой времена и обстоятельства сильно властвуют над нами. Но если ты личность, то это всегда будет с тобой и неизбежно оставит след в душах людей, с тобой соприкоснувшихся.

Автор этого поэтического сборника — Борис Тарантул (1950—2002) — нестандартно родился, нестандартно жил, нестандартно любил и творил. Появился он на свет при Сталине в радостный женский праздник 8 марта 1950 года в г. Калинин (ныне Тверь), учился при Хрущеве и Брежневе (в г. Кандалакше и г. Железнодорожном Московской области), начинал предпринимательскую деятельность при Горбачеве, взлетал и падал при Ельцине, вновь приподнялся и покинул этот мир при Путине. Рождение в женский праздник никогда его не смущало. Главное — Праздник, а его день рождения всегда был вторичным. Когда была возможность, устраивал в этот день (и не только тогда) большие торжества, на которых говорил о Женщине с большой буквы. Он любил и умел любить. И не только свою жену, свою дочь, сына, внучку, своих многочисленных близких, но и всех вольно или невольно с ним соприкоснувшихся. При этом он если любил, то любил совершенно искренне, порой безответно, но всегда бескорыстно.

Это был человек-море. Его душа никогда не находилась в состоянии покоя. Подводник, обошедший в годы военной службы под водой Земной шар; работник метеостанции на Магаданской промерзлой земле, где читал прессу, сбрасываемую раз в полгода с вертолета; первый «новый русский» в своем районе, оставивший весь свой бизнес своим друзьям; создатель нового современного завода в Узбекистане, с которого вынужден был бе-

жать, преданный псевдодрузьями по законам нового времени; вынужденный пожарник, который лез в огонь и в воду, а потом до утра игравший от безнадежности в карты; безработный и растерянный, но поддержанный горячо любящей матерью и постоянно ищущий приложения своих сил; менеджер по продаже телогреек и сапог, а потом компьютеров и суперпрограмм. Он жил, фантазировал, мечтал, играл на гитаре, пел, метался, любил, работал (а порой и не работал), но все время размышлял: зачем я живу, как я живу, для чего я живу? На волнах подъема он дарил бесконечно любимой жене бриллианты, ковры, машины, покупал огромные букеты цветов. Другим и близким отдавал бескорыстно все, ничего не жалея, и делал это с большим удовольствием. Когда же волна начинала спадать, он устремлял свои взоры внутрь себя. Когда волна спускалась до самого низа — уходил в свой внутренний мир, а порой совсем исчезал, растворялся в пространстве. Но все время писал стихи и искал, искал, искал самого себя и истину жизни.

Давно замечено: не всякий, кто пишет стихи, — поэт. Борис не только умел писать стихи, он был поэтом во всем. Кто-то оставляет после себя деньги и виллы, кто-то славу и известность, а после кого-то даже пустых бутылок не остается. Борис Тарантул оставил нам после себя добрую и щемящую память о редкой души человеке. И еще множество необыкновенных стихов. Его творчество не получило ни при его жизни, ни сейчас никакой официальной оценки. Да она и не нужна была ему, ведь он писал их только для себя, поскольку так выражал свои эмоции и не мог жить иначе. Лишь единичные стихотворения были опубликованы при жизни автора, увидели свет и отдельные его переводы.

Он не собирался публиковать свои стихи, не готовил их к печати. Остались только рукописи, порой лишь первые наброски и разные варианты. Этот сборник по сохранившимся старым потрепанным страницам (грамматика и пунктуация авторская) составили его близкие в память о муже, отце и брате, которого уже никогда, к сожалению, не будет с ними. Но сохранятся его слова, которые будут постоянно напоминать о нем. Все, кто прочтет сегодня его стихи, сами смогут оценить их, принять или возмутиться, но, я уверен, они никого не оставят равнодушным.

*Вячеслав Тарантул
1 октября 2005 года*

* * *

Есть многомерные миры,
Но в них не проскочить.
До самой смертной той поры,
Когда порвется нить.

И тело брненное вот здесь
Останется навек,
Зарыто в глину иль в супесь —
Уже не человек.

Душе не нужно исчезать,
Она везде жива.
Ей мир иной — родная мать,
Как Игоре — Нева.

Она войдет в другую плоть,
Комфортно ей в любой.
И будет искренне молоть,
Что помнит нас с тобой.

Но я сгибаюсь от тоски,
Представив, что нас ждет.
Что пол меня в могиле спит,
Что пол меня живет.

Что Я — слиянье двух стихий,
Идеи с веществом.
Что сам себе прощу грехи,
Других моля о том.

Я бог и черт в одном лице,
Но хочется понять,
Погибнет кто из них в конце,
Кто воспарит опять.

* * *

Я понял лишь сейчас,
Прошу, не обессудьте!
Отец, и муж, и сын,
и милые друзья!
Иные мне нужны
Защитники и судьи,
Я понял лишь теперь:
Другой Вам нужен Я.

Удобный как асфальт,
Как чесаная кошка,
А если вдруг ухаб,
А если — не по Вас!!!
Сошедшие с ума —
Они сошли немножко...
Но душу вынь из нас —
Останется каркас.

Что кости без души???
И некуда лить водку,
И нечем слезы лить,
Ведь — все с кости сошло...
Нет глаз, и сердца нет,
Которое в середке,
Но с них какой ответ,
За что произошло!!!

Пройдет полтыщи лет,
Найдут меня в раскопках,
Измерят череп мой
И грустный мой оскал,
И, может быть, поймут,
Все склеивши осколки,
Что я тебя любил, что я тебя ласкал...

Посмертная маска

Берут, откинув волосы с лица,
Теперь я понял, как это нелепо,
Такой холодный, равнодушный слепок
С застывших черт седого мертвеца.
А он ведь жил!
Он целовал уста
Любимых женщин.
Улыбался мило.
А вы хотите, маска чтоб хранила
Его черты.
Но как она пуста!
Уверен — маска все-таки нужна.
Его черты чтоб верные таила.
Но ради бога,
Чтоб не хоронила
Его души,
Когда она нежна!

(1975)

Рассказ летчика

Я на «МИГе» шел на «потолок»...
Вдруг оттуда, с высоты приличной
На меня пикирует сам Бог.
И скажу — пикирует отлично!
Мы теперь за облаком вдвоём,
Но меня еще сомненье гложет —
Почему внизу аэродром
Появленье божье не тревожит?
Почему локатор не берет
Крыл его божественных движенье?
Он мне нимбом машет и зовет,
Запрещает всякое сниженье.
Что ж, лечу.
Не каждому дано
Повстречаться так внезапно с Богом.
Но не знаю, что мне суждено,
И каким мне это выйдет боком.

Вверх и вверх прокладывает курс
Штурман мой — Господь и Вседержитель.
Я теперь на землю не вернусь!
Я теперь такой же небожитель.
Вот уже полет окончен — рай...
Руку жмут ребята фронтовые.
Все мои ровесники, считай —
Сбитые,
Сгоревшие,
Живые?!
Лоб вспотел,
Расстегнут шлемофон.
Удивленье и восторг на лицах.
Кто в погонах,
Кто и без погон —
С «кубарями» в голубых петлицах.
Как же так?
Растерянный стою.
Пот со лба перчаткой утираю.
Ну, они-то, ясно, что в раю.
Я за что сподобился?
Не знаю.
А они встревожено гадают:
Где же винт?
Реши пилот задачу!
На меня восторженно глядят
Словно я и вправду что-то значу.
Вновь в руке штурвал...
Рано мне примериваться к раю.
Я за вас еще не отлетал.
А теперь умру, но отлетаю.
И ушел в стремительном пике
Вниз, к земле, к зеленой дымке лета,
Аж штурвал вибрировал в руке,
И трясло под крыльями ракеты.
Что с того, что падал в небеса,
Потеряв сознание, как в вате.
Понял я за эти полчаса
То, на что и жизни вряд ли хватит.
Неужель теперь не устою,
В злом бою, бою на «вертикали»?

Но тогда мне место не в строю,
А без неба выживу? Едва ли!

* * *

Огонек в степи не горит уже,
Средь прибрежных скал не горит маяк.
Звезд на небе нет — видно в парандже
Небо звездное... Божий знак!

Сорок восемь лет, тысячи часов,
Миллион минут, миллиард секунд,
Жизнь без света лишена основ,
Коренник мой пал, стал не нужен кнут.

Но кипит вокруг разнотравья круг,
Волны берег бьют добела,
Погляди теперь, мой хороший друг,
До чего меня довела!

(1998 г.)

Ошибка

В такси я всунулся по пояс,
Не пережив твою грозу:
— Куда везти?
— Да хоть на полюс!
— Ну что ж, садитесь, отвезу.

И я, усевшись, успокоюсь —
Дойдет до сути капитан.
Конец пути...
— А где же полюс?
— Да вот он, «Полюс»-ресторан.

В сердцах я громко
Хлопну дверцей,
И буду мокнуть под дождем —
И этот чтоль не понял сердца! —
Ну, что же делать, — подождем...

Ну, что же делать, баобабы
Не те, таксистам курсы шьют,
Она ведь думала — мол, бабы,
А здесь и плоть,
И здесь уют!!!

* * *

Смените свой зловещий вид.
Умерьте агрессивность тола.
В уплату множеству обид
Мне хватит одного патрона.
Я не сумею объяснить,
И оправдаться не сумею,
Чтоб вас же не обременить,
Солгу и вряд ли покраснею.
Умою руки, как Пилат.
Мне обвинения не внове.
Признаю все, в чем виноват,
И даже то, в чем невиновен.
И я уверен — Бог простит!
Он всех прощает с небосклона.
И ваши тысячи обид,
И вылет моего патрона.

* * *

Я жил, не понятый никем.
И притворялся, что понятен
Мне вкус вина «Шато Икем»,
Хотя мне был портвейн приятен.

Я окружал себя молвой,
Что я крутой и сильный парень.
Среди своих я стал чужой,
Как необрезанный татарин.

Мне страшно было одному,
И я свой мир лепил и холдил.
Сгибался в собственном доме,
И распрямлялся в алкоголе.